

сестры Ивана IV), князь И. Ф. Милославский, признались царю, что среди бояр существует антицарское движение и что одни из бояр хотели «выдать» Грозного польскому королю Сигизмунду Августу, а другие «заменить» его Старицким.¹⁴⁷ Можно думать, что душой заговора был боярин И. П. Федоров-Челяднин, доносивший в 1553—1554 гг. царю на князей Ивана Пронского, Петра Щенятева и Семена Ростовского. И. П. Федоров был уже в это время (с 1566 г.) в почетной ссылке — воеводой в Полоцке. Видимо, царь ему уже не доверял.¹⁴⁸ Как раз летом 1567 г. выяснилось, что «сын боярский» И. С. Козлов, незадолго до этого бежавший в Литву, приехал тайно на Русь с «листами» короля и «панов-рады», переманивая на службу королю бывшего своего господина — князя М. И. Воротынского, князя И. Д. Бельского, князя И. Ф. Мстиславского и И. П. Федорова-Челяднина. Козлов был схвачен. От лица названных бояр были посланы язвительные ответы, к которым приложил руку сам царь.¹⁴⁹

Понятно, что на этом фоне признания перетрусивших Старицкого и Мстиславского привели Грозного и в смятение («мятеж!»), и в ярость. Именно тогда, по предположению П. А. Садикова, у царя мелькнула мысль об отъезде за море, в Англию.¹⁵⁰

В ходе следствия у него сложилось убеждение, что необходимо устранить Старицких, так как не было уверенности, что трусливый Владимир не будет вновь выдвинут какими-то кругами как кандидат в государи. Можно думать, что в этот момент, а именно в августе 1568 г., Грозный и решил, что следует внести в официальную летопись многие из боярских «недобрых дел», которые замалчивались в предыдущей редакции. Наше предположение подтверждается тем фактом, что как раз в августе 1568 г. отправили из Царского архива в Александровскую слободу, где велось жесточайшее следствие, 224-й ящик, в котором хранились «списки, что писати в летописец» за 1560—68 годы.¹⁵¹ Очевидно, что был привезен и Синодальный список летописи, поскольку он был в более законченном виде, чем Царственная книга, и ясно, что предыдущий текст был нужен для определения дальнейших тенденций летописания.

Значит, в распоряжении редактора для внесения дополнений было свыше полутора лет, чтобы произвести указанные царем изменения относительно слов «государев брат». Срок этот совершенно достаточен, принимая во внимание, что летописное дело велось широко и основательно был целый штат писцов и рисовальщиков.¹⁵² Вопреки мнению Д. Н. Альшица,¹⁵³ за этот срок можно было успеть переписать некоторые листы Синодального списка с поправками. Делал эти приписки, как мы показали на разборе приписки о «мятеже» в Боярской думе, дьяк И. М. Висковатый.

В августе 1568 г. Грозный дал два указания Висковатому. Первое указание заключалось в том, что надо продолжить летопись по материалам, подобранным в ящике 224 Царского архива. Этим и объясняется верное

¹⁴⁷ П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины, стр. 32

¹⁴⁸ Там же, стр. 31—32. Это наблюдение П. А. Садикова также бьет по гипотезе Д. Н. Альшица об авторстве царя в приписке 1553 г. которая была написана — по доносу Ивану IV на других бояр, т. е. как преданный слуга самодержца

¹⁴⁹ Послания Ивана Грозного, стр. 575

¹⁵⁰ П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины, стр. 32

¹⁵¹ С. О. Шмидт. Описи царского архива, стр. 43

¹⁵² А. Е. Пресняков. Московская историческая энциклопедия XVI века. СПб., 1900, стр. 1—2, Л. В. Черепнин. Русская палеография. М., 1956, стр. 409

¹⁵³ Д. Н. Альшиц. Царь Иван Грозный или дьяк Иван Висковатый, стр. 618